

* Н * В * П *

Н О В А Я П О Э З И Я

НАТАЛИЯ

Черных

ЗАКРЫТЫЙ ПОКАЗ

Н О В О Е
Л И Т Е Р А Т У Р Н О Е
О Б О З Р Е Н И Е

Наталия Борисовна Черных

Закрытый показ. Книга стихотворений 2012–2017

Серия «Новая поэзия (Новое литературное обозрение)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39415376

*Закрытый показ Книга стихотворений 2012–2017: Новое
литературное обозрение; Москва; 2018
ISBN 978-5-4448-1042-2*

Аннотация

Наталия Черных – поэт, эссеист, прозаик, родилась в закрытом городке Челябинск-65, по специальности библиотекарь, училась во Львове и Москве. В начале 1990-х дебютировала в самиздатском сборнике «Абсолютная жизнь». В 1996 году в издательстве «Арго-Риск» вышел сборник стихотворений «Приют», последующие книги также выходили преимущественно в независимых издательствах. Печаталась в журналах «Новый мир», «Волга», «Воздух» и др. Сотрудничает с популярными сетевыми литературными порталами. С момента знакомства с неофициальной литературой, которой Черных посвятила множество эссе, ее интерес сосредоточен на экспериментальной поэзии. Автор романов «Слабые, сильные» (2015, лонг-

лист премии «Большая книга») и «Неоконченная хроника перемещений одежды» (2018). Живет в Москве.

Содержание

Освещающая ничто	6
I	18
Происхождение	18
Слизистая оболочка	22
Женщина для хозяина квартиры	25
II	28
Супернатурализм, или социальная секс-помощь	28
1. «Не люблю разговоров...»	28
2. «Она верила...»	30
3. социально-религиозный секс	32
4. «подонистость моего героя...»	35
III	39
Без тепла	39
Пейзаж	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Наталия Черных Закрытый показ Книга стихотворений 2012–2017

Освеща́я ничто

Свет есть и в ничто

*два ангела с куклой
обида и поражение*

Н. Черных. «Ящерица»

Стихи Наталии Черных динамичны и одновременно медитативны. И очень современны. В них – мир, где слишком много всего, грандиозно много: вещей, мыслей, улиц, смыслов, названий, стран, философии, скрытых цитат, рассчитанных на интуитивное понимание читателем... Это густо засеянный деталями мир. Нет, даже не так: засеянный осколками деталей, воспоминаниями о деталях. И это мир, в котором нет ничего – нет друзей, возлюбленных, дома, нет тепла, порой кажется, что даже и личности, воспринимающей

этот мир, пресловутого лирического субъекта, нет. Его глаза, через которые прилежный читатель обычно озирает очередной параллельный мир, представляются пустыми глазницами древнего черепа. Однако это лишь еще одна иллюзия, а их в этой новой книге немало.

Постакмеистское. Можно еще сказать – «постбродское». Вкупе с нарочитой апоэтичностью в духе Аллена Гинзберга. История вещи, как известно, весомее истории человека. У автора и роман есть на эту тему: «Неоконченная хроника перемещений одежды». Первая часть «Закрытого показа» так и называется скромно: «Происхождение», читай «Генезис». Первая фраза – миниманифест: «Вещи выше людей – потому что молчат». И далее – афористично, жестко (так, что хочется эхом откликнуться: «Воистину!») вот такое: «Вещи идут к человеку. Человек без вещей слишком легок...»

Однако этими «вещественными доказательствами» дело отнюдь не ограничивается. Черных выстраивает свой, особый поэтический язык. Комплекс ощущений-мыслеобразов она называет узнаваемым именем-мифом. Скажем, «эвридика-офелия-нефертити». И все. Дальше читатель плывет сам. Логические связи нарочито размываются до гигантских бокс, образные ряды самодовлеющи, они выстраиваются словно бы вовсе без авторского участия, порой кажется, что эти стихи вообще пишут себя самостоятельно (или что их надиктовывает, например, вот этот сад):

Сад зимой спит всеми яблонями и абрикосами. Сад видит сны.

Растительные сны, где линии, цвета и звуки едины.

В снах сада зимой непроявленность мысли и чувства является силой,

слабость ведет к примирению, а в целом жизнь почти незаметна,

как родничок у забора, который по снегу бежит,

одетый в крупчатый панцирь, невидимый маленький воин.

(«Сад зимой и зимний сад»)

Черных по праву называют наследницей Ольги Седаковой и Елены Шварц. Но у тех миры обладают хоть какой-то минимальной целостностью. Здесь – иное. Мир как (раздробленный и перепутанный) текст. Кризис сознания (поэтического в том числе) мучительно прорастает из «долгого XX века» в первые десятилетия века следующего. У Черных (я)сновидчество – «как бы сквозь тусклое стекло». Речь разъята, части высказывания собраны словно бы не в том порядке. Но именно в этой кажущейся невнятице, чепухе и суматохе и вырисовываются контуры подлинной реальности. «Хаос – это лестница», – как говаривал один нестихотворный персонаж.

У Черных не просто «тоска по мировой культуре», но обращение к пространствам культуры и даже метакульту-

ры – культуры, понятой как некая универсальная среда обитания, уже почти не влияющая на ее обитателей... Чувственно-непосредственные образы (порой – почти шаманские заклинания), отобранные определенным способом, исподволь настраивают читателя (почти против его воли) на со-чувствие, со-знание, со-бытие:

*А потом пришел бог и забрал.
И она прижалась к его раменам,
Плача, стиснув прозрачные руки,
Чтобы не надавать пощечин.*

– Как долго ты, долго!

*И танцевала, и веселилась, как не было –
Как быть не могло.*

(«Шахидка»)

В новой книге христианство мнится надежной защитой от неизбывной пустоты экзистанса. Вот фрагмент стихотворения, которое так и называется, «Безнадежность»:

попынья спасительная
жгучая
маково гореть

чтобы прожитая смерть
намерзла на смерть

света белого
белая струя ток

по сухому вереску шли сугробы

сиплая дудка ветра

безнадежность одета
в старое пальто

светлее света

Постмодернистское христианство? Возможно ли?.. Последняя строчка все же намекает на какую-то возможность, исход, но... В этом «саду расходящихся тропок» возможен веер разных прочтений. Особенность текстов Черных – в этой нарочитой фрагментарности, когда образные ряды настойчиво, даже навязчиво вызывают к расшифрованию (а на деле, возможно, к «непрофессиональному» вчитыванию в текст чего-то «от себя»), когда из кирпичиков идиостилия в итоге можно сложить все, что угодно. (Кстати, о «кирпичиках»: многие строки Черных тяготеют к моностиху, как к примеру, первая строка стихотворения, процитированного ниже.) Сложить все, что угодно... но, быть может, это и есть высшая цель автора? Чтобы читатель «вчитал» свое, отразился в туманном зеркале и наконец почув-

ствовавал единство и гармонию – хотя бы и с противоречивым, дисгармоничным авторским сознанием?

*Глаза людей, из сумерек сплетенных, видят
несчастьность –
речку городскую.*

*Глаза людей, из дня свитых, видят лучи сквозь нависшие
тучи
в преддверии снега,
видят предзимнее солнце.*

*Глаза черных и белых людей видят пятна уязвимости.
Говорят: пятна Роршаха видят. Пятнам сказано: быть.*

*Из волн, собранных ветром в складки, ящерица
в преддверии
зимнего сна вышла.*

*Только вороны видят все так, как задумано – без
повреждения.*

*Благословенье ворон умягчает нелепость роста, веса
и рыжины,
полноты тяжелого лица,
капельки носа и облачно-хмурой переносицы.*

Вороны не говорят зря...

(«Благословенье ворон»)

Еще об устройстве стиха у Черных. В послании «К стра-

ху» мозаика министиший создает пуантилистскую картину реальности. Крайне субъективной реальности. Не совпадающей с усредненной, обыденной. Но вместе с тем очень похоже, что именно эта реальность близка к истинной; еще две-три итерации, и – «кругом возможно бог». А «Узор в декабре на окне Саймона и Гарфанкла» словно снизан из миниатюр-трехстиший: «Где снять себя и выстирать? / Было бы забавно в такой мороз стирать; / машина есть – стирай!» Или: «Все звуки вверх летят и тают, / окно у потолка затлело. / Да это солнце пушкинское!»

Перед нами книга о многоликом Художнике, примеряющем на себя то одну, то другую личность. Авторская точка зрения демонстративно, нарочито раздроблена, включен анонимайзер. Это может быть городская сумасшедшая, почти юродивая, больная соседка за стеной, на которую никто не обращает внимания, но которая всеведуща (элегия «Женщина для хозяина квартиры», где вывернутая наизнанку мешчанская жизнь описана с почти любовной ненавистью), а может – шахидка Лейла, урожденная Лия (!). Или это может быть изменившая себе «умиравшая от красоты» идеалистка Катерина, чья «заповедная хрупкость» исчезла под жировыми отложениями на бедрах и на душе (одноименному стихотворению вполне можно было бы дать подзаголовок «История без грозы»). А в «Мальчиках» экскурс в подростковую психологию сменяется добротным эпосом, когда человек противостоит богу, борется с ангелом и т. д. Такая вот

попытка зафиксировать современность, мгновенные снимки, но сквозь различные фильтры. Одним из этих фильтров может быть прямое обращение к вечным темам:

*Есть на скорую руку – как записать гениальную мысль,
она покажется идиотичной.*

Но что в человеке лучше идиотии.

Собеседник пришел, сел и спросил: где тут Бог?

(«Питание на скорую руку»)

Проекции «уединенного сознания» вовне представляют ложную коммуникацию, лирическим субъектом вновь и вновь осуществляемую, в том числе и с самим собой. Влечение к не-бытию и преодоление этого влечения – так, пожалуй, можно было бы охарактеризовать сверхидею этой книги. Вспоминается, что Людмила Вязмитинова в статье о «поколении 90-х» так писала о лирическом «я» Черных: «...образ поэта – нечто среднее между странником, скоморохом и юродивым»¹.

Как известно, человеческие переживания детерминированы наличием в природе слов для их описания. Нет слова – нет понятия, мысль дефокусируется и благополучно растворяется в энтропии. Короче, по Оруэллу. Лирический субъект у Черных отчаянно пытается найти слова и образные коды для невыразимого, а на выходе, казалось бы, – какие-то

---

¹ Вязмитинова Л. Метафизическое позиционирование авторов «поколения 90-х» // Крещатик. 2005. № 3.

обыкновенные повседневные разговорные блоки. Сходный процесс можно наблюдать в нарочито обытовленной прозе Людмилы Петрушевской. Но, как и в случае Петрушевской, на самом деле все абсолютно, головокружительно не так. Попытка поведать о несказуемом – отчаянная и удачная, только надо немного поменять оптику и видеть не сами слова, а то, что является дословесным или сверхсловесным, проступая сквозь их туманную вязь, подобно тому, как сквозь холодный океанский туман проступает левиафан. Левиафан выходит, в частности, из метаметафорики, из синэстезии и сновидчества:

*рывок под волну
был хорош
кипение стихло
уши остались
укрыты
шерстью морской изумрудной
ни звука
как шелковится
память о звуках
так лица взошли
из плывущего изображения*

(«Аквантина»)

Невербальное, выраженное на вербальном уровне, неминуемо обрастает потерями. Холистический метод обработ-

ки информации практически не поддается вербализации. Но Черных парадоксальным образом делает именно это. Полный сильных и слабых взаимодействий, очень личностный, закрытый («закрытый показ»!) мир лирического субъекта явлен в этих странных, выматывающих душу, длящихся и длящихся без всякого катарсиса стихах очень явственно, синкретично, почти тактильно.

Изменяется повествователь, мутирует, оборотнем меняет седьмую кожу – в пределах одного стихотворения. Стихотворения ли? Подобно тому как художественный мир Черных существует на грани реального и ирреального (если угодно – сверхреального), так и ее поэтический язык все время балансирует между регулярным (пусть и белым) стихом и верлибром, между верлибром и ритмизованной прозой, между верлибром и стихотворением в прозе... Тут все построено на почти невозможном балансе, необходимом для холистического метода познания. Метода, которым с пугающей, успешной легкостью пользуется автор. Метафизический реализм Черных оперирует множеством реальностей, которые постоянно подвергаются трансформациям, трансмутациям, метаморфозам.

Так, во вполне джим-моррисоновской «Ящерице» автор, впадая в транс, проговаривается, заговаривается – до заговора, до заклинания. И, разумеется, уносит с собой в это заклинание (хорошо еще, не на заклятие) читателя:

стать луной
теллурическим глазом
солярическим рифом луча
не становиться
не быть
не искать
непроявленность

отрицать проявления все
небесмысленность праздного сердца
сердце
взмывает конем
драконическим
рыбьей глядит чешуей

Как известно, поэзия занимается методами воздействия на сознание, причем как на читательское, так и на авторское. Можно еще долго говорить об эстетических манифестациях жизни сознания, о разнообразных провокативных стратегиях письма, об ориентации на имплицитного читателя-единомышленника, коего не существует по определению. Есть только более или менее отстраненные наблюдатели, в крайнем случае – соучастники... Но главное не в этом. В эпоху постреализма поэт – не искатель слова, а «искатель реала» в распадающейся мозаике виртуального пространства, которое всё агрессивнее подменяет собой реальность. Он стремится подняться над «поэтикой осколков и развалин», почуять, углядеть (подобно лозоходцу) нечто иное. НАСТОЯ-

ЩЕЕ, что все-таки существует, – под поверхностью. Все «антитексты» Наталии Черных суть единый текст. Отчаянная попытка восстановить утраченную целостность мира, продуцируя и сканируя разрозненные фрагменты того самого дивного мозаичного блюда, которое, говорят, было создано Всевышним и разбито дьяволом на куски. И каждый кусочек тоскует по утраченной гармонии... Именно отсюда, думается, неизбывная печаль текстов Черных. Осознание невозможности абсолюта и невозможности не стремиться к нему. Поиск Бога в безлюбом мире, мире, который вывернут наизнанку и постепенно замещается фейком. Об этом «фрактальный», неистовый, обреченный «Ноев автобус», об этом феерические, почти психоделические «Путешествия слабослышащей». Да, стихи Черных мозаичны, даже калейдоскопичны, причем мозаики эти полурассыпаны, фрагментарны, реальность (чем бы она ни была) дробится, осколки паззла не совпадают друг с другом. В результате – ощущение повисшего в пустоте вопроса, за которым все-таки просвечивает Ответ.

Татьяна Виноградова

I

Происхождение

Происхождение

Вещи выше людей – потому что молчат.

«Фамилия» выше «Сток-центра».

Ассортиментом и ценами, и теплом

безмятежных воспоминаний —

выше «Сток-центра».

В бороздах душного текстильного туловища,

покрытого пылью, —

запах жесткой дезинфекции; тело висит

на скелете кронштейна.

Счастлива как никогда. В овеществленное

и крайне личное время,

еще не рождённая, без речи и отношений:

к людям, себе, человеку.

На подходе к «Фамилии»,

свернув к промзоне от Семеновской, пыль ест глаза.

Зима, ни одежды, ни тела.

Иду – за одеждой и телом в «Фамилию».

Там ждёт семья

курток, свитеров и сапог.

Озарение холодом очарованного мозга:

«мы» больше нет.

«Нас» нет – и это божественно!

Что «нас нет» – нужно для продолжения жизни

Богу. Христу, как знаю Его.

Люди не тактильный теплый комок, а застежки.

Пыль – о том, что Бог не наблюдает ничего,

что бы объединяло людей.

Пыль о том, что общности нет

и у представителей малых сообществ.

Что знала о них – то забыла.

Будь то религия, социализм

или документальное родство.

Пыли можно довериться – пыль мыслит непредвзято.

Шла умирать. Вошла в рай.

Сапоги «Траста» – семьсот рублей.

Куртка, розовый английский цвет,

хлопковая раковина, на гусином пуху.

Восемьсот, мне подходит. Стирала руками.

Пух (что удивительно) высох.

Свитера примеряла долго.

Купив, теребила шерсть в мыльной воде.

Вещи идут к человеку. Человек без вещей слишком
легок —

его крутит метель.

Человек умирает от холода и от жары,
человек промокает насквозь.

Из нутра человеческого, из мозга, яиц и влагалища —
поднимается птица,
бледный снегирь паранойи;
носится,
носится от стены к стене,
сбивая иконы, мешая читать псалтирь
и нагоняя температуру.

Алый вагончик спешит, уходит навеки от станции —
не удержать.

Человека волочит и тащит; он истрепался:
любимые стали иголками.

Тогда возникает одежда – подобие тела и новое тело.
Две черные юбки.

Турция, мелкий вельвет. Жили долго.

Подрубила подол, немного укоротив.

Надевала с симпатией.

А сколько сестёр их висело, лежало и стояло.

Сто сорок пять рублей. Сейчас бы надела такую.

На церковный праздник.

Вещи шепчутся. Прощают опоздание и пятна еды.

Не просят тепла.

В вещах человек и есть «мы». Связь человек—человек
вижу только сквозь вещь.

Люди-застежки. Тыц-тыц человек, обновился —
и Богу тепло.

Вещи тепло создают. «Фамилия» выше «Сток-центра»
личностью вещи.

Как и людей, вещи ожидает огонь.

За чертою жилья – ожидает огонь.

Запах гари заложен с рождения в вещи и в человеке.

А в «Фамилии» свет без огня и проходы по цвету
и по размеру,
в ожидании перерождения.

В зеркале что-то нестройное, детское отражено.

Слизистая оболочка

дезинфицируя лицо по утрам
неясно
чем
с высоким содержанием аспирина
в растворе борной кислоты
с добавлением глицерина
смываешь лицо

можно спеть песню
где все живы
при старании
взяла бы нужную ноту
однако слизистая сожжена
и голоса нет

можно красиво и легко протестовать
во время учёбы в высшей школе
получить второе высшее образование
оформив протест кандидатской диссертацией

можно отличать верлибр
от рифмованного стиха
не любить верлибр
не любить рифмованный стих

можно все
но
нельзя ничего

что осталось кроме вопля
пропущенного через высушенное существо

что осталось кроме словесности
с фантомными спазмами
тополиного пуха весной
резины голландского сыра
нежелания поездки куда бы то ни было

это каждый увиденный мной человек
смотрит мной

меня нет
нас нет
есть все

бесконечное деление капель на потоки
вода снова исчезает
вода исчезает

сухость есть лик ожидания

один говорит за всех
отвечает за всех на вопрос
заданный всем вопрос

это не одна
убираю за чужой кошкой
это все убирают
за одной этой кошкой

она больше личность чем я
купленная в Concept Club'e вещь
больше личность чем я
брусок дрожжей больше личность чем я

слизистая этого мира

дезинфицируя лицо
сжигаешь глаза

тогда глаза видят огнем

Женщина для хозяина квартиры

Элегия

Теснота вызывает к жизни умершее и не умершее,
но задремавшее.

Обе они не молоды и не красивы, хотя привлекательны;
одна из них старше.

Та, что с хозяином спит, появляется редко.

Соседка почти не выходит.

Болеет, лежит в своей комнате; порой принимает душ,
порой идёт в магазин или в больницу.

Хозяин восторженно как-то сказал

в уплотнённый тучками воздух,

что видит, когда со своей,

шестнадцатилетнюю Нефертити.

Нефертити лестно такое услышать.

Она располнела за год,

носит ботильоны на костылях, позапрошлогодние,

цвета мартовской жижи,

говорит посаженным голосом, вполне милым

и даже волнующим,

носит бельё для коррекции, а в общем —

напряжена и всем недовольна.

Иногда нападет на то, что на неё и не нападает.

Мол, всё хорошо.

Будто кто-то сказал, что всё плохо,
или она прочитала в глазах
у него, и во время их общее
(едва не заплакал в то время).

Мол, мы вместе всегда, мол, всё очень вкусно
и ты словно бог.

Я барсук, ты енот – он придумал ей песенку,
но не споёт никогда.

Болящая, видимо, очень глупа.

Она не отличает ущербности от силы,
ходит как маятник в старых часах.

Она видит совокупление женщины и хозяина,
того не желая,
ей ведомы их интонации, взвизги, сопенья и хлюпанья,

ложка жидкости и руки по локоть.

Её не смущает их танец.

Для неё ничего чувственного в танце их нет,
а только пятнадцать минут.

После включается некая очень приятная даже машина
(так думает сам хозяин).

Этот грузовой

тройственный рейс,

которым даже соседи за стенкой в пятницу вечером
летят молодыми прыжками,

идёт по опасному месту.

Здесь могут взорвать эту жизнь,
не различающую любовь и совокупленье,
болезнь и здоровье,
семью и соцгруппу. Борт несёт груз материнской любви.
Все они – мать. Женщина, и стареющий бабник,
с ними – двое, соседи по лестничной клетке.

Говорят, что это заказ,
когда стихи приближаются к прозе.
Говорят, что должно быть. Но быть ничего не должно.
Говорят, нет материнства,
а только мужчина и женщина.

Много что говорят.
Тупица на эти строчки,
идушие каплями льда от крыла самолёта,
сделает стойку. Но самолётик летит, двое вместе,
третья вымыла ванну,

двое сделали пиццу.
И вечер. И обогреватель,
и окна впускают свежий снег.
Снег пахнет хлебом. Мать, которая в каждом из них,
достаёт пуховое вязанье. Вскоре все засыпают в тепле.
Продолжается рейс грузовой.

II

Супернатурализм

Супернатурализм, или социальная секс-помощь

1. «Не люблю разговоров...»

Не люблю разговоров
о женщинах и мужчинах.
Мой персонаж, однако, мужчина.
О женщине будет после.

Ни разу в жизни
ему не изменяли женщины.
Он изменял, не считая изменой,
оправдывался эректильной дисфункцией.
Измены лежали стыдливо и неполноценны.

Ближе к пятидесяти захотел подросткового секса,
слушал группу «Jаран» и слушал «Black Sabbath»,
говорил: это настоящий секс!

Смотрел «Основной инстинкт»,
говорил: фильм о любви и влечении к смерти.
смотрел «Криминальное чтиво» и говорил то же самое.

Ему легче было возжелеть, чем ложиться и вставать.
Он просто не знал, что делать с телом женщины
от внезапного нежелания.

Но какая-то завелась в его странном белье.
Уже много лет с ним,
всё так же прекрасна. Смотрит он на других.

Ближе к шестидесяти стал рыцарствен и сентиментален.
Начал писать биографию Гитлера.
Придумал, по-видимому сознавая обречённость идеи,
(говорил, что любит обречённость):

«Хотелось бы воплотить сюжет,
где призрак становится женщиной и остаётся с героем.
А может, и не остаётся.
Счастливая сказка!»

Рассказ начинается так:
бабкин дом был старый.

Он и сам напоминал бабкин дом.
Непрорисованный
супернатурализм.

Он мог оказать социальную секс-помощь
одиноким,
ещё привлекательным,
хрупким,
болезненным,
но
так и не понял, что именно в этом его призвание.

2. «Она верила...»

Она верила тому,
что говорят в глаза.
Расстраивалась ребёнком,
узнавая, что говорят за глаза.

Что зла,
что ревнива.

Она не знала о ревности.

У неё даже не было женских проблем,
а вторичная аменорея с пятнадцати лет.

Вожделение справедливости
было слаще ревности и обиды.
Она, к сожалению,

не умела ни того, ни другого.

Если ещё раз послушать песню Нау «Ален Делон»,
картинка будто бы сложится:

лучше секса

музыка и кино,

они дают неоспоримое наслаждение,
без мастурбации.

В какой-то момент маленькой жизни
понадеялась отлежаться в койке:
всё что осталось.

С книгой,
фильмами,
музыкой.

Но жестокая полковая труба
снова и снова
вызывала:
одеваться,
принимать душ,
красить брови,
покупать вещи
(что она так любила когда-то),
выходить из дома
(как будто её могли где-то принять),
что-то значить в своём роде занятий
(как будто её достижения ценили коллеги) —

и прочая, прочая с ними.

Единственное, что было её без остатка —
чувство города.

По счастью, она не отличала домов от гор
деревьев от деревьев,
могла есть всё, что покупала в ближайшем магазине,
видеть смешные сны.

Радость не значит,
что в жизни хоть что-то удалось.

Ей не выписали карточку на секс-помощь.
Она и не знала, что бывают такие карты.

3. социально-религиозный секс

они трахаются по большим церковным праздникам
или в ночь со вторника на среду
со среды на пятницу
или на восьмое марта
не потому что нерелигиозны
или так получилось

она работает
а он её ждёт

он готовит к её приходу праздничный стол
накупит продуктов
а они гниют

наделает блюд
а они гниют
накупит сладостей
а они слиплись

сковородка с гречневой кашей не убрана летом три дня
как-нибудь сама рассосётся

он боится разложившейся пищи
укоряет всех
что пища гниёт

она приходит
всегда озирается
будто неловко ей

будто все знают
как намерена дать ему в этот раз

он сначала копается в холодильнике
а потом копается в ней

она шла от пятёрки
тащила самокат
лиловый хлопчатый животик

вполне привлекательной женщины
круглится

он сказал
однажды весной
теперь знаю про секс в великую среду

потом сказал
мы завязываемся в такие узлы

и потом сказал
а не надо встречаться
пятнадцать минут секса
потом несколько часов
механические движения

вряд ли он бросит её
ждёт
что бросит она
в её лиловом животе после чистки
уже не заведётся жизни

он плакал после той чистки
от меня зачинают и не рожают

в духовке преет дорадо или свинина
ждёт часа на вынос

впрочем,

секс —
прекрасная социальная помощь
мужчине и женщине
у которых может быть нет никого
кроме него и нее

у него трое детей и жена
у неё вполне молодая мать
и психически неустойчивый сын

ему и ей
обоим нужна социальная помощь

4. «подонистость моего героя...»

подонистость моего героя
скорее забавна
чем оскорбительна

засыпая в комнатёнке уже не существующей квартиры
слушала
Анчарова
Галича
Окуджаву

голоса текли
сплетаясь

слова входили в память мгновенно

не было времени
осознать

несколько месяцев с песнями под гитару
из магнитофона
закатно
легли пространством доверия
всему что есть

зыбкий мирок вокруг
но каждая линия навсегда
каждый вечер

жила у подонка
не боялась
что обманет

потом оказалось
хорошие люди
гораздо большие подонки
особенно умные и талантливые

термины есть
умный
талантливый

тот подонок возникает порой

вдруг
внезапно
на улице

еще есть пространство
где изображение было чётким

музыка
стихи
провода писателя в аэропорт
его собаки
его девочка
его одержимость

как-то попросил денег
перевела
просил в долг и не отдал
одно слово
подонки
возмущался теми же словами
что умные и талантливые

когда жила в его двушке,
не платила за койку
жила как в колыбели

да и сейчас
мне везёт на подонков

впрочем
социально-политический секс
не возник
когда спала
на невесть почему
мне памятной койке

III

Закрытый показ

Без тепла

(Памяти Геннадия Айги)

*как то что и жизнь
словно некое место ее*

Г. Айги. «В рост», 1956

доброго сна
по тишине уходящему
звук не о смерти
о ровном закате
где люди становятся дети
в яркой одежде малы

так смотреть из окна
собой уравновесив присутствие с немощью
захвачено вдруг наблюдая
прозрачное полупустое в девичьей надежде свеченье
плотное кружево мудрого луба

прикрытого поздней корой

идти по деревьям

всегда

по нотам их

до смерти идти по деревьям

с опаской

боковым глазом

движение вещей наблюдая

охотник слежением преобразуется в жертву

собака несется к хозяину

сообщая ему беззащитность доверия

ввиду зимних праздников

я есть жизнь

жизнь есть я

так распределяется тяжесть

так вещей неразобранных хаос

невывытый дом

примирает

присутствие с немощью

Пейзаж

(Памяти Аркадия Драгомощенко)

*знаем также, что
никогда не нужно звонить,
если в миг до телефона не дотянуться, —*

*А. Драгомощенко. Из книги «На берегах исключённой
реки»*

В ознобе

связи (всего и со всем) падают школьной тетрадкой

вздрагивают
сыплясь
дифтонги

молибденистого стекла и окарины оцинкованного железа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.